

И. С.
АКСАКОВ

Сочинения

Иван Сергеевич Аксаков

Игнорирование основ русской жизни нашими реформаторами

«Если бы какому-нибудь англичанину привелось сочинять проект политического устройства России – нет сомнения, этот англичанин, не приступая к делу, пожелал бы наперед осведомиться о том: какие имеются у нас налицо общественные элементы, какие основы выработаны историею, какие идеалы продолжают жить в народном сознании или выражались в течение нашей тысячелетней исторической жизни. Занявшись исследованием элементов, из которых сложилось наше политическое тело, – да и без всякого особенного исследования, а по первому поверхностному обзору, – он, наверное бы, прежде всего поразился тем, что не может не поразить и не броситься в глаза каждому, – именно тем, что в России имеется налицо до 40 миллионов сельского оседлого населения...»

Иван Сергеевич Аксаков
Игнорирование основ
русской жизни нашими
реформаторами

Если бы какому-нибудь англичанину при-
велось сочинять проект политического
устройства России – нет сомнения, этот ан-
гличанин, не приступая к делу, пожелал бы
наперед осведомиться о том: какие имеются у
нас налицо общественные элементы, какие
основы выработаны историею, какие идеалы
продолжают жить в народном сознании или
выражались в течение нашей тысячелетней
исторической жизни. Занявшись исследова-
нием элементов, из которых сложилось наше
политическое тело, – да и без всякого особен-
ного исследования, а по первому поверхност-
ному обзору, – он, наверное бы, прежде всего
поразился тем, что не может не поразить и не
броситься в глаза каждому, – именно тем, что
в России имеется налицо до 40 миллионов
сельского оседлого населения. Это обстоятель-
ство, конечно, показалось бы ему довольно
важным, как по количеству населения – 40
миллионов чего-нибудь да весят, так и по ка-
честву: население оседлое, составленное из
домохозяев, из которых каждый живет в сво-
ем доме и владеет известным пространством
земли – это явление такое оригинальное, ко-

торому ничего подобного нет во всей Западной Европе: отсюда прямой вывод, что и самый простой народ в России должен существенно отличаться от черни или плебса (plebs), пролетариата, английских рабочих, французских «увриеров», кочевых батраков и всего того, что под словом «простой народ» разумеют обыкновенно на Западе. Очевидно, подумает англичанин, что и условия политического устройства – при таком преобладании стихии сельского населения – должны быть иные, столько же оригинальные, сколько оригинально и самое явление; западные теории публичного права и политического устройства, не имевшие в виду этих необычайных фактов публичной и бытовой жизни, оказываются для них слишком тесными и слишком узкими. И если бы даже англичанин не отказался совсем от дерзкого предприятия: сочинить для нас проект политического устройства, то во всяком случае – свободный от раболепства перед научною теориею (которая ему своя, не чужая) и воспитанный в уважении к правам жизни и быта – он постарался бы подсмотреть в тумане чуждой ему жиз-

ни какой-нибудь путеводный свет, отыскать в этом громадном теле какой-нибудь главный, жизненный, исторический нерв и отделить существенное и органическое от всего наносного, паразитного, искусственно вызванного к внешнему бытию. Удалось ли бы ему это – другой вопрос; вероятнее всего, что не удалось бы ни в каком случае; но несомненно по крайней мере, что именно в таком, а не в ином смысле были бы даны им указания и советы.

Пригласите же сочинить подобный проект любого русского, принадлежащего к так называемому «образованному сословию» и в этом сословии принадлежащего еще к партии, с которой нам теперь так часто приходится спорить, – партии явных и скрытых, сознательных и бессознательных поклонников Петровского переворота: никаких особенных затруднений в сочинении такого проекта для нашего брата русского – не найдется. Тогда как англичанин будет себе ломать голову над исследованием туземных общественных элементов и исторических данных, наш русский прожектор прямо отправится черпать из ис-

точника исторической западной жизни и западной политической науки. Источник богатый, примеров и образцов много, – какой-нибудь из них да пригодится, а что касается до своеобразных и оригинальных форм народного русского быта, то их «образованный» русский человек большею частью или величаво игнорирует – то есть не признает, знать не хочет, или же и действительно вовсе не знает. Последнее встречается даже чаще, чем первое; полнейшее невежество в деле русской истории и русской народности составляло до сих пор какую-то аристократическую принадлежность высшего образования, своего рода *bon genre*, и хотя такому отношению к русской народности нанесен в последнее время значительный удар, тем не менее это невежество и до сих пор продолжает украшать наше светское образованное общество. «Что за дело! – возразят нам, – стоит ли на такие пустяки обращать внимание? Эти нападки на светское общество уже устарели и вышли из моды!». Дело есть, ответим мы, и возобновить нападения стоит. Мы очень хорошо знаем, что светский круг сам по себе довольно ни-

чтожен и действительно не стали бы обра-
щать на него большого внимания, – но этот
круг, по своему общественному положению,
не чужд некоторого влияния на общий ход
дел; этот круг, которого родная речь есть не
русская, а французская, поставляет из себя
главный контингент русской служебной рати
с административным значением... И тогда
как самому англичанину, повторяем, и в го-
лову не придет, да и придти не может – счи-
тать английский общественный строй при-
годным для русской земли, «образованный»
русский именно к Англии-то и обратится за
образцами. Тогда как всякого англичанина
поразит, прежде всего, значение у нас просто-
народной стихии, – наш светский русский ли-
берал именно об ней-то меньше всего и пом-
нит. Тогда как англичанин нашел бы нуж-
ным дать полную свободу органическому
жизненному началу и доискаться своеобраз-
ных исторических основ и идеалов самой
страны, – нашему русскому о таких русских
основах и идеалах и горя мало. «Да помилуй-
те, – скажет наконец, с своим здравым прак-
тическим смыслом, англичанин, – что вы де-

лаете? Или вы забыли, что у вас в России 40 миллионов оседлого сельского населения, что, следовательно, главный центр тяжести у вас в нем, а не в городах и не в отдельных землевладельцах, что, следовательно, условия вашего политического устройства и ваши государственные идеалы должны быть совершенно иные, чем в Европе, где или вовсе нет оседлого сельского населения, или же очень мало, и во всяком случае нет таких громадных масс народа, обеспеченных на долгие веки землю, прочно сидящих на основах поземельного общинного владения, крепко сплоченных общинного организацией)?». – «А что, ведь может быть, и правду говорит англичанин, – ответит, пожалуй, наш русский прожектор; ведь и в самом деле в России до 40 миллионов поселенного на земле народа?.. Слона-то я и не заметил!..».

Да, именно слона не заметил. И хотя это кажется невероятным, но оно именно так. Наши прожекторы постоянно забывают бездельницу в своих благодетельных проектах: русский народ и народность. Они, как говорят французы, рассчитывают без хозяина: ils

comptent sans leur note! Либералы, – и искренние либералы, мы это охотно допускаем, – они, сами того не смысля, только усиливают ненавистное им самим начало; слепцы – они не видят, что их либеральные тенденции таят в себе глубочайшее презрение к свободе органической жизни, к ее правам на своеобычное, независимое, самостоятельное развитие. Умышленное ли игнорирование или простодушное невежество, – такое отношение к русскому народу и народности равно достойно порицания, равно опасно. Это отношение создано Петром. Неуважение к народу составляет характеристическую черту его преобразований. Обратив в послушные орудия своей идеи дворянство и духовенство, создав из них военную и гражданскую армию около государства, сломив всякое сопротивление органической жизни, он не хлопотал ни о просвещении простого народа, ни о его развитии, а наложил на него новый гнет ревизионного крепостного рабства. Это неуважение к народным началам, к истории, ко всему живому и органическому, эта привычка к деспотическому обращению с жизнью, эта замашка со-

здавать не справляясь с действительностью, эта храбрость предположений, доктрин, теорий, которую особенно отличается наша известная среда – все это истекает прямо и непосредственно из принципа, внесенного Петром I в нашу историческую жизнь, все это, более или менее, вьелось в плоть и кровь нашего образованного общества, все это диаметрально противоположно истинному понятию о свободе... От насильственного бритья бород, со введением немецкой номенклатуры чинов, до посева кукурузы в Архангельской губернии, до предложения народу питаться картофелем при обилии хлеба, до попыток (покуда теоретических) разрушить поземельную общину и обезземелить крестьян, до забавных забот об искусственном водворении дорогого иностранного рационального сельского хозяйства в наших обширных поместьях и при дешевизне наших цен на сельские продукты; от обучения «комплиментам» по петровской методе до вождедений видеть на наших полях замки английских лордов и коттеджи английских фермеров – все это развитие одного начала, одной системы. Все

один и тот же дух, один и тот же прием, только без внешней грубости, свойственной петровскому времени и личному его характеру...

Нынешнему правительству суждено было совершить перелом в этом историческом направлении – чрез освобождение и введение в круг нашего гражданского исторического бытия той именно стихии, которая была скована Петром крепкою цепью, – стихии органической жизни. Отныне не только справедливость, русское чувство, разум, но и простое благоразумие требует от нас полного признания прав этой стихии, и такого же полного отречения от того пути, которым до сих пор следовало наше образованное общество, – от всех антинародных начал, от всякого петровского пренебрежения к народу, к народности, к жизни, к правам живого исторического организма. Если теперь навстречу поднимающемуся в своем росте, пробудившемуся в своем сознании, освобожденному от долгого плена и сна народу мы понесем наше прежнее невежество, наше прежнее «игнорирование» его бытия, его нравственных прав, наши прежние замашки и привычки благодетель-

ствовать ему, не спросясь с ним, наши галломанские или англоманские мечтания, наше легкомысленное суетное, «фривольное» образование, наше бессильное, бескорненное, несамостоятельное просвещение, – то ничего хорошего от этой встречи не выйдет... Всякое недоброжелательство к народному подъему, к народным началам и основам со стороны нашего общества может в конце концов иметь вредные последствия для свободы. Народ готов был бы искать в нас опоры просвещения, знания, опыта; он ждет, что мы принесем ему в дар после долгой разлуки силу народного самосознания, – конечно, отвлеченного, выработанного нами на досуге, вдали от жизни, но именно теперь призванного к жизненности и творчеству... Какой же дар несем мы ему? Не вправе ли он спросить нас: «Что же вы делали все это время, в то время, как я вынужденно коснел в бездействии, – вы, которые могли делать, а если не всегда могли делать, то могли мыслить, проповедовать, отстаивать, хранить и развивать, хотя бы только в области отвлеченного сознания и в доступной вам общественной среде, свою,

то есть общую нашу народность? Где ваши труды? Где ваши, если не гражданские, то хоть духовные подвиги на охрану народности, органической жизни, народной личности, – всего того, что делает народ народом, ради чего он только и призван существовать?.. Вы не можете сослаться на угнетение и неволю: простора для борьбы друг с другом и с обществом было довольно: но боролись ли вы? Не сами ли вы добровольно соблазнились? Не кичитесь ли вы и теперь, самодовольно, вашим просвещением – вашим отступничеством от исторических преданий, вашим неуважением к своеобразным основам русской народности? Сознали ли свою вину пред своею землею, своею народностью, своей историей? Где идеал, вами выработанный? Где путь, который вы бы могли мне указать?.. Уразумели ли вы по крайней мере, где болит, что болит, отчего болит? Что здорово, за что именно надо держаться?.. Вы даже и этого не умели сознать и поведать мне!!». Что тогда ответим мы народу?! Об этом стоит подумать, не дожидаясь, чтоб непременно сам народ предложил нам такие вопросы и в та-

кой форме мы должны сами для себя задаться такими вопросами... Мы должны предупредить их. Не мужики спросят – история спросит.

Отдаленные потомки едва ли поверят, чтобы в наше время, в эпоху освобождения крестьян, еще было уместно и даже необходимо писать и печатать статьи против пролетариата на русской почве, против обезземеления крестьян, против принятия насильственных или искусственных мер к разрушению поземельной общины, против мечтаний о поземельной аристократии и т. д., и т. д. Им покажется забавным – точно так, как и в наше время это должно показаться забавным каждому иностранцу, а англичанину в особенности, что русские люди второй половины XIX века нуждаются в напоминании о существовании в русской земле 40 миллионов сельского населения на основаниях совершенно оригинальных. Мы ко многому притерпелись, пригляделись, прислушались, но если бы кто взглянул свежо, если бы кто послушал наши речи свежим слухом, тот был бы поражен той аномалией, в которой пребывает, живет и

толчется наше общество. Эта аномалия выражается как в крупных, так и в ничтожных явлениях, – но по нашему мнению, не следует пренебрегать ничтожными явлениями; в них точно так же, «как солнце в малой капле вод» отражается весь крупный недуг наш. Если значительная часть русского образованного общества у себя в России говорит и переписывается между собою не на русском языке, если подобная несообразность возможна, – то, как по-видимому она ни мелка, ни незначительна, нечего удивляться, что и предположения о преобразовании той или другой стороны русской жизни сочиняются в нерусском духе, и что русское общество, в легкомысленной слепоте, себе на пагубу, забывает класть на весы значение народной стихии, забывает брать его в расчет в своих гражданских думах и соображениях. Относительно народоведения, русскому обществу, к несчастью, приходится начинать с самых элементарных понятий и твердить такие истины, которые на Западе уже давно сделались пошлыми. Остается уповать, что какой-нибудь благодетельный иностранец (с авторитетом, разумеется) обра-

тит наконец наше собственное внимание на элементы, начала, основы нашей собственной народной исторической жизни, поучит нас уважению к нашей народности, к нашей истории и открыто признает за нами право, которое и мы, может быть, вслед за ним признаем, на самостоятельное, самобытное развитие. Авось-либо тогда наши статистики перестанут краснеть от стыда, выводя процент отношения нашего городского населения к сельскому и конфузясь пред иностранцами за слабый рост нашей городской жизни; авось-либо какой-нибудь англичанин или американец растолкует им наконец, что у нас есть село, чего уже почти нет на Западе, и что в нашем селе лежит залог нашей силы, зерно нашего органического своеобразного развития. Село – вот, скажем кстати, заглавие того учебного труда, к которому мы призываем наших статистиков, экономистов, политиков, юристов и пр., и пр., – село с его сельскою промышленностью, торговлею, ремесленным, фабричным и заводским производством, село пашенное, село торговое, село с неотъемлемым от него общинным обычаем, с общин-

ным самоуправлением. Разрушим ли мы эти вместилища, эти резервуары народной бытовой силы? Эти центры народной жизни, которые способны и к развитию, и к просвещению для того, чтоб, с одной стороны, создать крупную личную собственность для нескольких единиц, а с другой – чтоб скопить в городах бездомное, бессильное население?

Но мы увлеклись в сторону. Повторяем опять: нам надо торопиться, чтобы с добрым ответом предстать перед суд истории... Кто хочет мира, а не вражды, созидать, а не разрушать, творить живое, а не мертворожденное, кто хочет работать для свободы и для успехов истинного просвещения, тот должен прежде всего отречься от петровских преданий, от всего злого, насильственного, ложного – присущего петровскому перевороту, проникнуться уважением к правам народного организма, поработать наконец искренно – не чуждому, как предлагают иные, а истинному народному началу и идеалу.